

В. А. Ромашко

К выделению нового типа кинжалов позднего бронзового века

Статья посвящена культурной атрибуции и выделению в отдельный тип одной из разновидностей кинжалов с листовидным клинком, распространенных в Восточной Европе в позднем бронзовом веке.

По общепринятой классификации [1] среди кинжалов с листовидным клинком выделяются два основных типа: ингуло-красномайцкий (Н-48/50) и сосново-мазинский (Н-46).

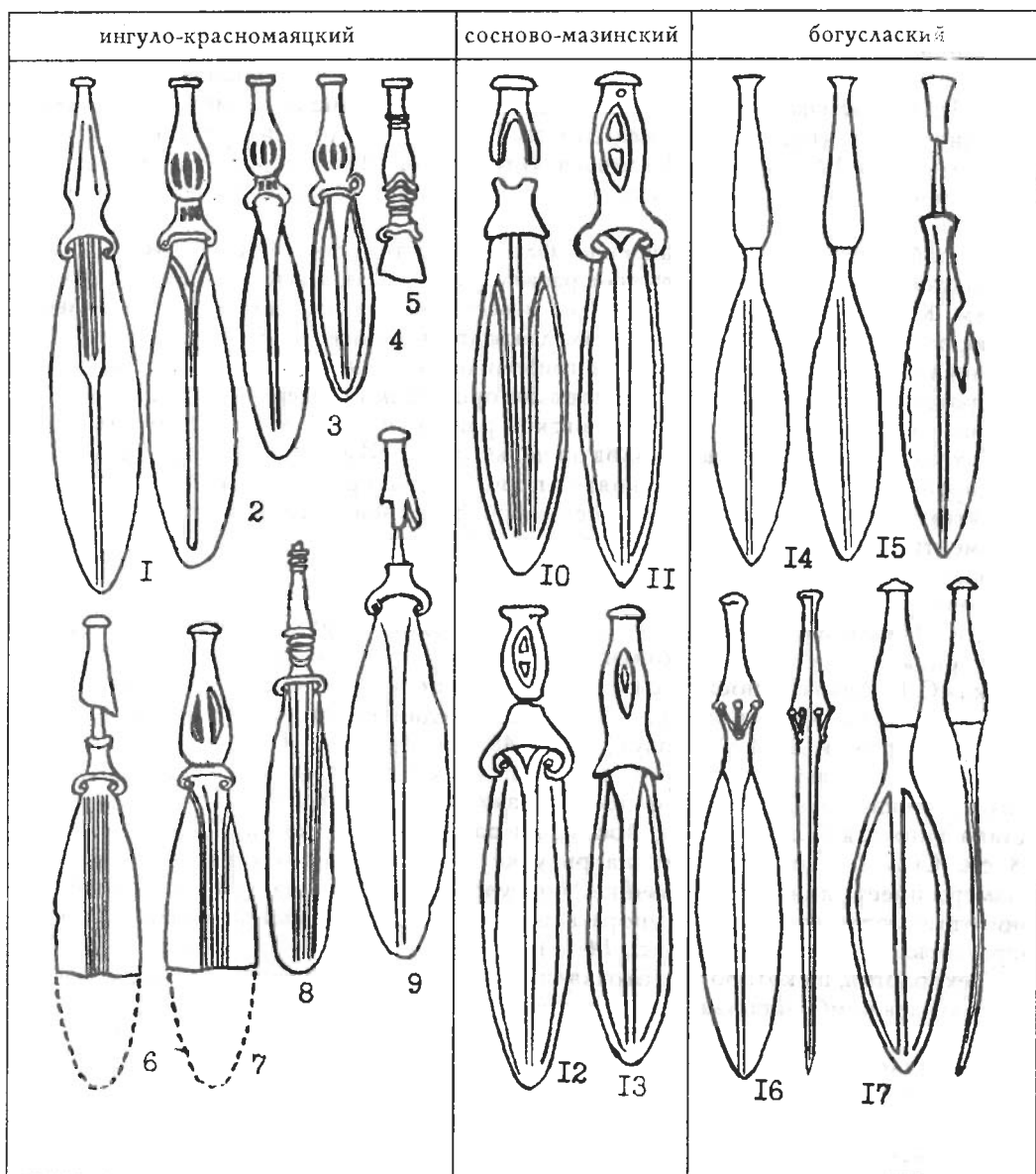
К ингуло-красномайцкому типу относятся кинжалы с комбинированной рукоятью и грибовидным или пуговичным навершием, а также кинжалы без рукояти, имеющие дуговидный с волютами упор-перекрестье ниже черенка, простую или разветвленную нервюру; представлены в Ингульском [2, рис. 2.13], Лозовском [3] кладах, на матрицах Красномаяцкой мастерской [4, рис. 30]. Находки ингуло-красномайцких кинжалов известны и в других пунктах Северо-Западного Причерноморья [5, рис. 56: 1].

Территория распространения кинжалов сосново-мазинского типа значительно шире и охватывает пространство от Волги до Карпат [6, рис. 10; 7, рис. 59, 6-12; 8, рис. 12, 1-3; 9, рис. 5; 10, рис. 9, 45]. Цельнолитые кинжалы Сосново-Мазинского клада принципиально отличаются от ингуло-красномайцких только формой прорезной рукояти. Совпадение остальных признаков (наличие грибовидных наверший, волютообразных перекрестий, разветвленных нервюр, наконец своеобразный набор орудий клада, отлитых из железистой меди нижнедунайской группы IIб, позволяет рассматривать их в контексте ингуло-красномайцких комплексов [1, с. 183; 5, с. 108; 7, с. 15-20; 9, с. 32-34] или как общий вид металлических орудий культур валиковой керамики Евразии [10, с. 90].

Накопление новых материалов позволяет выделить на территории Восточной Европы еще один тип кинжалов с листовидным клинком. На основании находки кинжала в закрытом комплексе поселения у с. Богуслав Павлоградского района Днепропетровской обл. выделяемый тип предлагается назвать *богуславским*.

Кинжал (рис., 17) имеет грибовидное навершие, утолщенную в нижней части, овальную в сечении рукоять, суженную шейку между рукоятью и листовидным клинком с овально-ромбической в сечении нервюрой. Край клинка острый, бортик утолщен. Рукоять отделена от шейки тонким, слабо заметным швом. Высота навершия 0,5 см, размеры в плане 2,3 × 2,1 см. Длина рукояти 9 см, сечение в верхней, наиболее тонкой части 1,3 × 1,1 см, в нижней, максимально расширенной — 2,6 × 2,1 см. Длина клинка от шва до острия 18,9 см, ширина в центральной части 5,5 см. Общая длина кинжала 27,9 см.

Мнения о способах крепления рукояти расходятся. Ознакомившийся с находкой И. Т. Черняков высказал предположение о том, что она наклепана, В. С. Бочкарев

Восточноевропейские кинжалы с листовидным клинком:

I — ингуло-красномяцкий тип: 1 — Ингульский клад, 2-4 — Красномяцкая мастерская (реконструкция И. Т. Чернякова), 5-9 — Лозовской клад;

II — сосново-мазинский тип: 10-13 — Сосново-Мазинский клад;

III — богуславский тип: 14 — хут. Шеховцовка, 15 — с. Вовчик, 16 — Запорожская обл., 17 — с. Богуслав

считает кинжал цельнолитым. С нашей точки зрения следует согласиться с мнением И. Т. Чернякова, хотя способ прилива рукояти на клинок был широко распространен в Евразии, в том числе и в Северном Причерноморье, в эпоху поздней бронзы [1, с. 122-123]. Автору известны три кинжала, сопоставимые в плане аналогий с богуславским.

Один из них (рис., 14) происходит из междуречья Дона и Северского Донца. Найден у хут. Шеховцовка Гостищенского района Белгородской области. Из публикации известно, что он изготовлен из меди и имеет наклепанную рукоять [11, с. 92, рис. 2.1].

Второй кинжал (рис., 15) найден в 1988 г. в окрестностях с. Вовчик Лубенского р-на Полтавской обл. при проведении разведочных работ областным краеведческим музеем. Кинжал изготовлен из бронзы, имеет листовидный клинок с продольной нервюрой, кольцевой упор, черенок в «виде квадратного в сечении штыря», на котором сохранилась верхняя часть рукояти с грибовидным навершием [12, с. 57, рис. 8: 4].

Третий кинжал (рис., 16) хранится в Запорожском краеведческом музее, найден в Васильевском или Каменско-Днепровском районе области. В отличие от вышеописанных комбинированных кинжалов он цельнолитой. Имеет грибовидное навершие, расширенную в нижней части рукоять с приостренным ребром, узкую шейку между рукоятью и листовидным клинком с нервюрой. В нижней части рукоять с двух сторон орнаментирована рельефной геометрической композицией, состоящей из выпуклых «шишечек», соединенных прямыми линиями.

Сопоставляя форму клинка с негативами Красномаяцкой и Голоуровской мастерских, а также с находками в составе кладов позднего бронзового века Северного Причерноморья, а форму рукояти — с ингульской и лозовской, опубликовавшая кинжал С. Н. Ляшко относит его к старшей сабаатиновской ступени срубной культуры и датирует XIV–XIII вв. до н.э. (по Н. Н. Чередниченко) или XIII в. до н.э. (по В. С. Бочкареву и А. М. Лескову) [13, с. 248, рис. 1].

Все четыре вышеописанных кинжала, несмотря на различия в технологии изготовления, имеют единую форму, близкие пропорции и стандартные размеры. Длина кинжала Богуславского поселения равна 27,9 см, из Запорожской обл. — 28 см. Судя по приведенному на рисунке масштабу, приблизительно такие же размеры имеет кинжал из с. Вовчик. От ингуло-красномаяцких и сосново-мазинских они отличаются отсутствием упора-перекрестья, непрорезной рукоятью, простой неразветвленной нервюрой (рис., 14-17).

Технология, по которой изготавливались кинжалы богуславского типа (в большинстве случаев комбинированные) сопоставима с технологией, применяемой литейщиками ингуло-красномаяцкого очага при изготовлении кинжалов типа Н-48/50 [1; 5; 14]. В ингуло-красномаяцких комплексах присутствуют рукояти, близкие по форме богуславским: на ингульском и лозовских кинжалах (рис., 1, 5-9), на однолезвийном ноже из Черковны [1, табл. IX, 1], на матрицах Красномаяцкой [4, рис. 30], Новокиевской [15, рис. 7, 4; 8, 3] мастерских, возможно, на литейной форме из с. Ранжевое [16, рис. 16].

Сами клинки принадлежат к так называемому киммерийскому типу, к которому Е. Н. Черных отнесены кинжалы-ножи с листовидным клинком и кольцевым упором на черенке (тип Н-36) [1, с. 120, 221]. Они также широко представлены на матрицах ингуло-красномаяцких мастерских, встречаясь иногда в одних комплексах с негативами рукоятей и клинков с перекрестьем типа Н-48/50, например, в Красномаяцкой [4, рис. 30, 2; 5, рис. 51, 7], Волошской [17, рис. 40], Новокиевской [15, рис. 8; 9; 16] мастерских.

По мнению Е. Н. Черных, географический центр ареала ножей-кинжалов этого типа находится в Поднепровье. В то же время он отмечает, что редкие находки подобных изделий известны на значительной территории — от Трансильвании до Волго-Уралья. Исходя из карты распространения находок ножей-

кинжалов Н-36 и химического состава проанализированных находок, автор видит в них «местное производство в пределах металлообрабатывающего района в Поднепровье» [1, с. 120, 121].

Действительно, картографирование известных на время выхода работы Е. Н. Черных находок [1, рис. 51] полностью подтверждает эту точку зрения и показывает практическое отсутствие ножей-кинжалов с кольцевым упором между Днпром и Волгой.

Однако в настоящее время к востоку от Днепра, на территории Левобережной Украины, известен ряд находок как самих кинжалов, так и литейных форм. В частности, кинжалы найдены у с. Булановое Полтавской обл. [18, рис. 6: 2], у с. Рябухино под Харьковом [19], у г. Ново-Азовка Донецкой обл. [20, рис. 13: 25]. Помимо учтенной Е. Н. Черных литейной формы из с. Вязовок Павлоградского района Днепропетровской обл. [1; 4, рис. 34: 6] известны еще три. Две двусторонние литейные формы хранятся в Харьковском историческом музее, третья — в Сумском краеведческом [19].

Эти находки существенно расширяют возможную территорию изготовления кинжалов с кольцевым упором. К такому выводу приходит и С. И. Татаринов, считающий необходимым включить в район производства кинжалов типа Н-36 бассейны Северского Донца и Дона [20, с. 102]. К этому добавим, что, учитывая присутствие близких по форме кинжалов в составе Лобойковского и Кабаковского кладов, относимых к срубной культуре [1, с. 191, 192], их распространение в междуречье Днепра и Дона могло произойти в результате развития местных лобойковских традиций, а не влияния сабатиновской культуры и ингуло-красномяцкого металлургического очага. Последнее представляется важным в плане определения культурной принадлежности кинжалов богуславского типа, которые мы склонны считать позднесрубными. Аргументация предлагаемого положения заключается в следующем.

Ареал распространения кинжалов ингуло-красномяцкого типа (Н-48/50) находится в Северо-Западном Причерноморье и не выходит за рамки Правобережья Днепра, то есть совпадает с территорией распространения сабатиновской культуры и ноа. Вместе с другими изделиями ингуло-красномяцкого очага эти кинжалы являются составной частью материального комплекса вышеупомянутых культур [1; 3; 5; 17; 21]. Картографирование кинжалов богуславского типа показывает, что все они происходят из лесостепных и северостепных районов Левобережной Украины, то есть территорий, занятых позднесрубной культурой.

Особое значение имеет кинжал, найденный на поселении у с. Богуслав на полу жилища № 2. Это пока единственный экземпляр выделяемого типа, происходящий из комплекса.

Керамика жилища типологически подразделяется на горшки (70,98%), банки (19,36%), кубки, черпаки, миски-сковороды (по 3,22%). По морфологическим особенностям и орнаментации (расчлененные «сеточкой» или косыми насечками валики, помещенные в основании шейки, позитивные «жемчужины») она аналогична, прежде всего, материалам поздних горизонтов поселений лесостепной срубной культуры, таких, как Поляны-1 [19; 22], Васищево [4, рис. 20], Веселое-1, Голубовка-3, Любовка, Рубежное-2, Таранцево [19; 23, рис. 1, 2; 24, рис. 5, 6]. Расчленение валика «сеточкой» известно на посуде Белозерского поселения [25, рис. 33; 4], на керамике поздних горизонтов срубных поселений Приазовья [26, рис. 8-12]. Подобные орнаментальные мотивы характерны для огромного в территориальном отношении восточного круга культур валиковой керамики позднего бронзового века [10] — срубно-хвалынской в Поволжье [4; 27; 28], саргаринской [29], бегазы-дандыбаевской [30] в Северном и Центральном Казахстане и др. [10].

В целом материалы жилища № 2 и других близких в культурно-хронологическом отношении комплексов поселения позволяют отнести его к позднесабатиновскому-раннебелозерскому времени и датировать XIV/XIII-XII вв. до н. э. Не противоречит предлагаемому верхнему хронологическому рубежу факт присутствия ножей-кинжалов типа Н-36 не только в сабатиновских, но и белозерских комплексах. Например, кинжал с листовидным клинком и кольцом-упором найден в погребении № 3 кургана 4 у с. Лиманское Одесской обл. [32, с. 178, рис. 2.2].

Таким образом, кинжалы *выделяемого богуславского типа* синхронизируются с ингуло-красномайскими и сосново-мазинскими и могут рассматриваться как предметы вооружения племен позднесрубной культуры лесостепной и северостепной Левобережной Украины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Черных Е. Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР.— М., 1976.
2. Симонович Э. А. Ингульский клад // СА.— 1966.— № 1.
3. Дергачев В. А. Бронзовые предметы XIII-VIII вв. до н. э. из Днестровско-Прутского междуречья.— Кишинев, 1975.
4. Кривцова-Гракова О. А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы.— М., 1955 (МИА СССР, № 46).
5. Черняков И. Т. Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тыс. до н. э.— Киев, 1985.
6. Kostrzewski I. Skarby i Luzne znaleziska metalowe od eneolitu do wczesnego okresu zelaza z gornego i srodkowego dorzecza Wisly i gornego dorzecza Warty // Przegląd archeologiczny.— Wrocław.— 1962.— XV.
7. Черных Е. Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья.— М., 1970.
8. Крушельницька Л. І. Взаємоз'язки населення Прикарпаття і Волині з племенами Східної і Центральної Європи.— Київ, 1985.
9. Новикова Л. А. Западные связи северопричерноморского очага металлообработки в эпоху поздней бронзы // СА.— 1976.— № 3.
10. Черных Е. Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья.— Челябинск, 1983.
11. Тихонов Б. Г. Металлургия лесостепных племен междуречья Волги и Дона // Проблемы советской археологии.— М., 1978.
12. Кулатова И. Н. Разведки в Лубенском районе Полтавской области // Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины: Тез. докл. конф.— Полтава, 1989.
13. Ляшко С. Н. Бронзовый кинжал срубной культуры из фондов Запорожского краеведческого музея // СА.— 1986.— № 1.
14. Черняков И. Т. О так называемом навершии из Краснояйцкого клада поздней бронзы // КСИА.— 1965.— Вып. 103.
15. Гершкович Я. П., Клочко В. И., Евдокимов Г. А. Новокиевская литейная мастерская и проблемы хронологии сабатиновских памятников Поднепровья // СА.— 1987.— № 2.
16. Симонович Э. А. Новые находки эпохи бронзы на Тигульском лимане // КСИА.— 1967.— Вып. 112.
17. Шарафутдинова И. Н. Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы.— Киев, 1982.
18. Супруненко О. Б. Матеріали до археологічної карти Нижнього Поворскля // Памятки археології Полтавщини.— Полтава, 1991.
19. Берестнев С. И. Срубная культура лесостепного левобережья Украины: Дис. ... канд. ист. наук.— Харьков, 1983.
20. Татаринцов С. И. Древний металл Восточной Украины.— Артемовск, 1993.

21. *Дергачев В. А.* Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы.— Кишинев, 1986.
22. *Радзієвська В. Э., Шрамко Б. О.* Нові археологічні пам'ятки на Харківщині // *Археологія*.— 1980.— Вип. 33.
23. *Берестнев С. І.* Нові пам'ятки зрубної культури в лісостеповій частині басейну Сіверського Дінця // *Вісн. ХУ*.— 1979.— № 182.
24. *Берестнев С. И.* Поселение Таранцево и вопрос о населении Днепровского левобережья в начале раннего железного века // *РА*.— 1994.— № 3.
25. *Кривцова-Гракова О. А.* Поселение бронзового века на Белозерском лимане // *КСИИМК*.— 1949.— Вып. XXVI.
26. *Горбов В. Н.* Поселенческие комплексы Приазовья в системе синхронизации западного и восточного кругов культур валиковой керамики // *Новые открытия и методологические основы археологической хронологии: Тез. докл. конф.*— СПб., 1993.
27. *Изотова М. А., Малов Н. М., Слонов В. Н.* Классификация форм керамики и периодизация последней хвалынской культуры эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья // *Археологические вести*.— 1993.— Вып. 1.
28. *Изотова М. А.* Поселение Ивановка и его место в системе памятников эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья // *Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья: Тез. докл. конф.*— Запорожье, 1994.
29. *Зданович Г. Б.* Бронзовый век урало-казахстанских степей.— Свердловск, 1988.
30. *Маргулан А. Х.* Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана.— Алма-Ата, 1979.
31. *Ромашко В. А.* Святилища и жертвенники на поселениях срубной культуры Украины // *Проблемы археологии Поднепровья*.— Днепропетровск, 1993.
32. *Иванова С. В., Ветчинникова Н. Е.* Раскопки у с. Лиманское Разделянского р-на Одесской области // *Древности степного Причерноморья и Крыма*.— Запорожье, 1993.

Summary

The paper deals with one of the categories of armours of the late Bronze Age in the Eastern Europe. It is daggers of late timber-grave culture in the Eastern Ukrainian forest-steep region (XIII-XII centuries B. C.). For the first time in Ukrainian archaeology they were typified as Boguslav type. The described type of these daggers does not have analogy among armours of the cultures of Northern Black Sea and Eastern Europe. The author points out that this type can be synchronized with the daggers of so-called Ingoulo-Krasnomayatsky and Sosново-Mazinsky types.